

У РОССИЙСКОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ СЕГОДНЯ НЕТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЫ

Федор Лукьянов

ФЕДОР ЛУКЬЯНОВ (род. в 1967 году) — политолог, журналист-международник; главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», член Совета по внешней и оборонной политике

Абсолютно непонятно, как американская внешняя политика будет функционировать при новой администрации, когда Хиллари Клинтон станет госсекретарем. Это самостоятельный политик с очень четкими представлениями, к тому же с мужем — бывшим президентом. Согласование позиций президента и госсекретаря — это уже отдельная тема.

Советник Обамы по национальной безопасности генерал Джонс, этот бывший командующий войсками НАТО в Европе — далеко не технический человек. Остается и такой тяжеловес, как Роберт Гейтс, выделявшийся на фоне бушевской администрации удивительным здравомыслием. Он по своему опыту даст сто очков вперед кому угодно.

Как будет функционировать новая обамовская «dream-team»? Как будут взаимодействовать друг с другом эти «stars»?

Сила американской модели не столько в координации ведомств, которая бывает часто хаотичной, сколько в наличии отлаженного круговорота: бизнес — правительство — академические структуры. Это означает, что существуют кузницы кадров, научные школы, которые влияют на политику. Кроме этого, таким образом формируется представление о национальных интересах.

Российская проблема в том, что у нас в принципе нет аппарата выработки сначала долгосрочных решений, а потом их имплементации.

Наиболее ярким примером является попытка Путина в свое время совершить европейский прорыв России в опоре на ведущие страны, готовые конструктивно разговаривать с Россией, — Францию, Германию и в какой-то степени Италию. Это казалось особенно логичным в эпоху Жака Ширака, Герхарда Шредера, Сильвио Берлускони. Но в конце концов выяснилось, что такая система не работает, какими бы замечательными ни были личные отношения лидеров двух стран.

Дружба, условно говоря, Путина и Буша была амортизатором, но в итоге сыграла отрицательную роль, потому что российско-американское взаимодействие к

этим постоянно. Эту идею неоднократно высказывал Том Грэм: нужны спецпредставители по двусторонним отношениям очень высокого ранга и статуса, имеющие прямой выход на президента. Институционально примерно такую роль играл Строуб Тэлбот при Клинтоне. Был удачным и формат «Гор — Черномырдин»: уровень почти самый высокий и при этом рабочий. Правда, вряд ли формат «Байден — Путин» будет работать.

Наиболее насущной задачей сегодняшнего дня является институциональное возрождение российско-американских отношений. В начале президентства Буша Александр Волошин общался с Райс практически напрямую. Был шанс хоть о чем-то договориться. Сейчас нет прямых каналов общения. А в итоге нет и взаимопонимания.

В России отсутствует механизм выработки национальных интересов, которые в основном идентифицируются с интересами государства как аппарата. В современном мире, где бизнес-интерес становится в определенных ситуациях самоценным, этот механизм необходим. **Для начала нам нужна инвентаризация институтов, которые сегодня пытаются осуществлять внешнюю политику.**

Наиболее насущной задачей сегодняшнего дня является институциональное возрождение российско-американских отношений

ней и свелись. **Институциональной основы отношений России — США к концу президентства Буша практически не осталось.** Даже формат «2+2», то есть «Роберт Гейтс, Кондолиза Райс — Сергей Лавров, Анатолий Сердюков», возникший год назад, не дал какого-либо заметного эффекта.

Дипломатия уровня «президент — президент» плоха тем, что президенты не могут заниматься

Несмотря на существенные отличия от ситуации 5-10-летней давности, Россия по-прежнему действует реактивно. Правда, в современном мире, где все регулярно переворачивается с ног на голову, вызывает сомнения наличие стратегий и у других мировых игроков. ■

Записал Борис Межуев